

М.В. Завьялова (Москва)

Отражение космогонического мифа в стихотворении Сигитаса Гяды*

В цикле детских стихотворений известного литовского поэта Сигитаса Гяды встречается немало фольклорно-мифологических аллюзий, на первый взгляд не различимых. Порой такие мотивы кажутся фантазией автора, заигрыванием с детским воображением, однако при более подробном анализе на поверхность всплывают архетипические концепты мифологического мировоззрения, выстраивающиеся в довольно строгую систему. Поэт, сознательно или нет (это остается вопросом), в своих произведениях конструирует архаический мифологический универсум, пользуясь простыми, если не примитивными средствами.

Одним из таких примеров является стихотворение «Вопросы и ответы», построенное по архаичной модели «ритуального диалога»:

Klausimai ir atsakymai

<i>Iš kur ežeras?</i>	Откуда озеро?
<i>Dangumi atskrido.</i>	По небу прилетело.
<i>Iš kur dangus?</i>	Откуда небо?
<i>Iš debesų šydo.</i>	Из покрывала облаков.
<i>Iš kur debesys?</i>	Откуда облака?
<i>Iš vandens garo.</i>	Из водяного пара.
<i>Iš kur tas garas?</i>	Откуда тот пар?
<i>Iš pragaro.</i>	Из преисподней.
<i>Iš kur pragaras?</i>	Откуда преисподняя?
<i>Iš amžių bedugnės.</i>	Из бездны веков.
<i>O iš kur bedugnė?</i>	А откуда бездна?
<i>Iš kur visos ugnys.</i>	Откуда все огни.
<i>O kam ten tos ugnys?</i>	А зачем там те огни?
<i>Gana jau! Nebūgnyk!</i>	Хватит уж! Не бубни!

(Geda 1991).

* Статья написана при поддержке программы ОИФН РАН «Языковые ключи русской литературы: семантика и функции».

Такая структура отсылает к древним космогоническим гимнам и в конечном итоге к древнеиндийским загадкам типа *brahmodya* (см. об этом: Топоров 1971), в которых последовательно описывается акт творения мира. Текст Гяды сохраняет не только вопросно-ответную форму и цепную конструкцию (предыдущий вопрос порождает следующий), но и перечисляет основные элементы вселенной (вода, воздух, огонь), правда, в несколько отличном от архетипического порядке. Почти сохранена даже числовая структура текста: обычно число актов творения кратно семи (Топоров 1971, 24). В данном случае Гяда вместо седьмого ответа как бы нарочно прекращает цепочку, переводя текст из ритуальной в игровую плоскость. Игровой оттенок усиливается аллитерациями (многократным повторением двух основ связанных между собой семантически элементов: *gar-* (*garas* – ‘пар’) и *ugn-* (*ugnis* – ‘огонь’)), что, впрочем, тоже является достаточно архаичским приемом.

Неизвестно, обращался ли Гяда к таким древним традициям, как древнеиндийская, но это и необязательно, так как соответствующий мифологический материал можно почерпнуть в литовской мифологической традиции.

Первый вопрос относится к происхождению озера:

*Iš kur ežeras?
Dangumi atskrido.*

Откуда озеро?
По небу прилетело.

«Озеро, прилетевшее с неба» – прямая отсылка к популярному в Литве сюжету о «путешествующих озерах»: по поверьям, отраженным во множестве быличек, озера передвигаются по небу в виде облаков и падают на землю, если кто-то случайно отгадает их имя. Таким образом объясняется большинство имен озер. Вот один из примеров:

Seniai, labai seniai Salų apylinkę užgulę tamsūs, perkūningi debesys. Dieną ir naktį žaibavę, bet lietus neliję. Žmonės meldėsi, Dievą prašė, bet buvo veltui. Kartą senelis elgeta pasakęs, kad tas debesis tol būsiąs, iki kas atspėsiąs jo vardą, – tada ežeras nusileis žemėn. Visokių vardų žmonės davę dangaus ežerui, bet neatspėję. Kur dabar ežeras liūliuoja, kitą kartą buvusios didelės pievos. Ten ganęs piemuo galvijus. Vienas didžiulis jautis bėgęs į vasaroją. Piemuo ištaręs: – Kur eini, Dviragi? Ir didžiausiu triukšmu ežeras nusileidęs į tas pievas, kur piemuo ganė gal-

vijus: jas užliejęs, paskandinęs piemenį ir jo bandą. Tą ežero šaką, giliai įsiterpusią į Taraldžių laukus, ir vadina Dviragiū, o kitą ežero dalį vadina Ilgaragiū ar Ilgiū 'Давно, очень давно окрестности Салос заволокли темные, грозовые облака. Днем и ночью сверкала молния, но дождя не было. Люди молились, просили Бога, но все было напрасно. Однажды старик-нищий сказал, что это облако будет до тех пор, пока кто-нибудь не отгадает его имя, – тогда озеро опустится на землю. Всякие имена люди давали небесному озеру, но не отгадали. Там, где сейчас озеро колышется, в то время были большие луга. Там пастух пас скот. Один большой бык побежал на яровые хлеба. Пастух сказал: – Куда идешь, Двурогий? И с большим шумом озеро опустилось на те луга, где пастух пас скот: залил их, затопил пастуха и его стадо. То ответвление озера, которое вдается далеко в поля Таральджию, и называют Двурогим, а другую часть озера называют Долгорогим или Долгим' (EMD, пг. 69, р. 65).

Озера не только появляются из облаков, но могут и перемещаться с места на место, поднимаясь в небо в виде туч¹, ср.:

Kretingos apskrityje, Darbėnų valsčiuje, Kašučių kaime, yra nedidelis devynių hektarų Kašučių ežeras. Jame yra daug visokių žuvų ir labai daug vėžių. Nuo to ežero už kokių trijų kilometrų yra didelė bala, vadinama Tyru. Į tą Tyrą negalima nei įvažiuoti, nei įjoti – tuojau ten smunka. Tame Tyre auga tik samanės ir vieno metro aukštumo nusususios pušaitės, o pati žemė nenaudojama. Žmonės pasakoja, kad Tyras kitados buvęs ežeras, o kur dabar yra Kašučių ežeras, buvusi lanka, kurioje augdavę daug šieno. Tai pasakoja, kad vieną labai gražią vasaros dieną pasikėlęs į orą ežeras ir iškilęs labai aukštai skrido ant Kašučių lankos. Tuo tarpu lankoje žmonės šienavo ir išgirdę didelį ūžesį pamatė, kad į tą lanką kažkas leidžiasi, ir iš tos lankos visi žmonės išbėgiojo kur kas gali. Žmonėms išbėgiojus, į tą lanką nukrito didelis kamuolys vandens ir išmušė didelę duobę, kurioje atsirado ežeras 'В окрестностях Кретинги, в волости Дарбенеу, в деревне Кашучю есть небольшое, на девять гектаров озеро Кашучю. В нем много всякой рыбы и очень много раков. За три километра от этого озера есть большое болото, называемое Тирас. В это Тирас нельзя ни въехать, ни войти – сразу засасывает. В этом Тирасе растет только мох и засохшие сосенки с метр высотой, а сама земля не ис-

¹ В литовском языке тучи и облака обозначаются одним словом.

пользуется. Люди рассказывают, что Тирас когда-то было озером, а там, где сейчас озеро Кашучю, был луг, на котором было много сена. Так рассказывают, что одним очень пригожим летним днем озеро поднялось в воздух очень высоко и полетело на луг Кашучю. В это время на лугу люди собирали сено и, услышав сильный шум, увидели, что на луг что-то опускается, и с этого луга все люди убежали, кто куда мог. Когда люди разбежались, на луг упал большой шар воды и выбил большую яму, в которой появилось озеро' (EMD, nr. 108, p. 79).

Поверья о падающих с неба озерах, видимо, отражают представления о связанности небесных и земных вод, чему существует множество подтверждений в литовском фольклоре. А.Ю. Греймас отмечает, что «связь между небесными и земными водами является в рамках литовского мифологического мировоззрения скорее комплементарной, чем оппозиционной. Например, радуга, появляющаяся после дождя, называется *dermės juosta* “поясом согласия”: ее функцией является вобрать в себя излишки дождевой воды и, возвращая их на небо, восстановить первоначальное равновесие. В этом контексте легче можно понять и убеждение литовцев, что озерами фактически являются только облака, спустившиеся с неба в заранее выбранные места» (Greimas 1990, 55). Радуга в данном случае выступает как объяснение обратного процесса: попадания озера на небо, ср. народные поверья: *Vaivorykštė kada an dangaus atsiranda, tai žinok, kad bus lietaus, nes ji iš marių vandenį in debesį traukia* ‘Когда радуга на небе появляется, то знай, что будет дождь, потому что она из моря воду на небо тянет’ (LTR 1159/380/, цит. по: Laurinkienė 2004, 196). Подобные представления существуют и у славян, и у других народов, например, гренландцы считают, что «лучший мир лежит ... на небе, куда души взбираются по р а д у г е и где они раскидывают шатры вокруг большого о з е р а , полного рыб и птиц. Когда это озеро над небом переполняется, на земле бывает дождь, если же его берега прорвутся, будет второй потоп» (Тайлор 1989, 293). К представлениям о «лучшем мире» мы еще вернемся, а сейчас проследим дальнейшую цепочку превращений элементов в стихотворении Гяды:

Iš kur dangus?

Откуда небо?

Iš debesų šydo.

Из покрывала облаков.

Iš kur debesys?

Откуда облака?

Iš vandens garo.

Из водяного пара.

То, что небо состоит из пелены облаков, представляется очевидным. И этот мотив находит соответствия в литовской мифологии и фольклоре, ср. загадку: *Balta paklodė visą svieta dengia – dangus* ‘Белая протыня весь свет покрывает – небо’ (ЛТ V, пг. 5346, р. 449). В разных мифологических традициях происхождение неба трактуется по-разному, однако «наиболее распространенное представление о форме неба – это представление о небе как шатре, шалаше, палатке, куполе, который образует стены и крышу над полом-землей» (МНМ II, 207). Сама внутренняя форма слова лит. *dangùs* ‘небо’ – производное от *dengiù, deŋgti* ‘покрывать’ и является родственным рус. *дуга* (одно из значений которого ‘радуга’) (Фасмер I, 549), среди дополнительных значений лит. *dangùs* есть и такие, как ‘ширма, балдахин’, ‘свод верхней части печи’ (LKŽ II, 261–262). Что же касается облаков (лит. *debesis*), то их наименование непосредственно связано с обозначением неба: в лтш. *debess* имеет значение ‘небо’ и родственно балто-славянской лексеме *небо, небеса* (с основой на – *es*), ср. др.-инд. *nábhas* ‘туман, пар, небо’, греч. *νέφος* ‘облако’ (Фасмер III, 53).

Таким образом (водяной) пар непосредственно соотносится с облаками и небом, а местом происхождения его, согласно тексту Гяды, является преисподняя:

Iš kur tas garas?

Откуда тот пар?

Iš pragaro.

Из преисподней.

Следовательно, получается, что облака на небе состоят из водяного пара, поднимающегося из ада. Примечательно, что связь облаков с адом находит подтверждение в литовской мифологии, ср. заговор на разгон облаков, в котором облако называется адом:

Debesėli, pragarėli, gudų šalin, gudų šalin ‘Облачко, ад, в сторону белорусов, в сторону белорусов

Saulele, motule, mūsų šalin, mūsų šalin Солнышко, матушка, в нашу сторону, в нашу сторону’

(Balys IV, пг. 145, 241).

Само литовское слово ад (*prāgaras*) содержит слово пар (*gāras*²) в виде составной части, и было бы логично выводить его этимоло-

² Которое, в свою очередь, родственно рус. *гореть, угар*, сюда же относятся лит. *pra-garėti* ‘потеть’, *su-garėti* ‘сгореть’, *gorà* ‘пар, угар’, *goriوتي* ‘быть красным от жара’, лтш. *garne* ‘тепло’, прус. *gorme* (*gārmē*) ‘жар’, *goro*

гию из этого корня (ср. выражение: *Aš jums, pragaro garams, paradysiu!* ‘Я вам, парам ада, покажу!’ (LKŽ III, 112)), однако общепринятым является объяснение через комплекс значений, восходящих к лит. *gérti* ‘пить’, сюда же относятся *gerklė* ‘горло’, *gurklỹs* ‘зоб’, слав. *gъrdlo*, рус. *горло, жерело, жерло, жрать, žerdlo*, польск. *żródło*, ср. санскр. – *gara-s* ‘глотающий’. Лит. *pra-garas* имеет таким образом два значения – ‘обжора’ и ‘ад’ (Būga I, 495), ср. такие выражения: *Eik tu, prāgarai, viską prageri* ‘Иди ты, обжора (=преисподняя), все пропиваешь’, *Prarijo kaip prāgaras* ‘Проглотил как обжора (=преисподняя)’ (LKŽ X, 500).

Обратимся к объяснению происхождения ада в стихотворении Гяды:

<i>Iš kur pragaras?</i>	Откуда преисподняя?
<i>Iš amžių bedugnės.</i>	Из бездны веков.
<i>O iš kur bedugnė?</i>	А откуда бездна?
<i>Iš kur visos ugnys.</i>	Откуда все огни.

«Огонь в аду» принадлежит к комплексу традиционных представлений о загробной жизни и находит подтверждения в том числе и в литовском фольклоре, ср. поговорку: *Pragaras ir nekurstomas kūrenas* ‘Ад и не разоженный горит’ (LT V, пг. 3212, р. 261). По представлениям литовцев, «в аду горит огонь, люди ходят, ездят по этому огню» (LTR 260/15/). Ср. также литовскую быличку о том, что огонь принесла птица из преисподней: ... *Dievas tada sutvėrė ir žmogų. Kad jam nebūtų šalta, nutarė duoti ugnies. Nė rojui, nė dangui ugnies nebuvo. Dievas įsakė kovui parnešti ugnies iš pragaro...* ‘...Бог тогда сотворил и человека. Чтобы ему не было холодно, решил дать огня. Ни в раю, ни на небе не было огня. Бог велел грачу принести огонь из ада...’ (Balys III, пг. 27, р. 280).

Однако некоторые литовские предания свидетельствуют о том, что огонь в аду появился только после сошествия туда Иисуса Христа: *Kai Viešpats Jėzus nužengė į pragarą, tai ten jau rado pasikorusio Judo dūšią. Judas sako: “Man ir čia gerai”. Tada Viešpats Jėzus metė savo kraują ir padarė pragarą degantį. Anksčiau pragaras buvo*

‘ямка для горящих углей’ (LKZ III, 112, 126, 484, 485; Mažiulis I, 389–392; Фасмер I, 441, 442).

šaltas ‘Когда Господь Иисус сошел в ад, то там уже нашел душу повесившегося Иуды. Иуда сказал: «Мне и здесь хорошо». Тогда Господь Иисус бросил свою кровь и сделал ад горящим. Раньше ад был холодным’ (Balys III, nr. 26, p. 279). О «холодном аду» упоминает и М. Гимбутене: «из сравнительной индоевропейской мифологии и верований мы знаем, что мир умерших представлялся как холодное, топкое подземное царство, управляемое мужским божеством» (Gimbutienė 1996, 293).

Таким образом мы переходим к другому образу преисподней – водянистому (топкому) подземелью. Это также находит соответствия в литовском фольклоре: Г. Береснявичюс указывает, что часто ад представляется как «большие болота» (LTR 522/19/), иногда он находится на дне большого болота (LTR 260/428), вокруг ада – страшные болота (LMD I 1000/674) (Beresnevičius 1990, 93–94), в некоторых версиях сказки LPK 472 встречается образ ада как о з е р а (EDS 229–230, 236–238, цит. по: Beresnevičius 1990, 108). Анализируя различные представления литовцев о загробной жизни, Г. Береснявичюс приходит к выводу о первичности «водной» составляющей и вторичности образа «пылающего ада»: «образ находящегося “за водами” загробного мира является одной из древнейших составляющих понятия загробной жизни» (Beresnevičius 1990, 100); а «сам литовский *pragaras* ‘ад’ – видимо, переводное слово, новообразование своего времени, обозначающее место вечных мук, где наказанные души терпят огненные муки» (Beresnevičius 1990, 108). Ему вторит А.Ю. Греймас: «загробная жизнь – точнее: не “загробная”, а “иная” жизнь – в мифологическом мировоззрении литовцев, как, например, и ирландцев, представлялась водной» (Greimas 1990, 367). В качестве более раннего обозначения понятия «ада», точнее, «потустороннего, загробного мира» оба автора предлагают лексему *paskandà* (букв. ‘наводнение, потоп’), производную от лит. *paskandinti* ‘утопить’ (Fraenkel 1962, 544), которая встречается в ранней литовской литературе именно в этом значении (Zinkevičius 1988, 171, 245, 273, цит. по: Beresnevičius 1990, 108). Интересно, что и лексема *prāgaras* имеет в качестве одного из значений ‘бездна’ (в том числе морская), ср.: *Siauta įsiutusios vilnys, norėdamos aną pragare jūros pagramzdinti* ‘Бушуют бешеные волны, желая его в бездне моря потопить’, *Norėčiau sėstis ant vilnies sprando ir ištyrinėti marių pragarus* ‘Хотел бы

я сесть на гребень волны и исследовать морские пучины' (LKŽ X, 500).

По поводу локализации загробного мира также нет четкого мнения: в литовских мифологических представлениях путь в иной мир может быть как горизонтальным (то есть он находится на земле, за водной преградой), так и вертикальным (причем в двух направлениях: как вниз, в подземелье, колодец, так и вверх – в гору, в поднебесье).

Однако такие разногласия в литовских мифологических данных, по мнению Г. Береснявичюса, не следует считать следами наслоения различных по времени представлений, они на самом деле ничуть не противоречат друг другу: «возможно, что насколько “вертикальным”, настолько и “горизонтальным” путем добирались в тот же мир, который в строгом смысле слова нельзя назвать “подземным”: древние – в том числе и литовская – космогонии знали, что загробный мир, находящийся под землей, при повороте сфер (или небесного свода), ночью оказывается над землей» (Beresnevičius 1990, 105). Этим представлениям соответствуют и литовские пословицы (характеризующие плохую погоду, в частности, дождь), буквально подтверждающие единство неба и земли: *Dangus su žeme maišosi* ‘Небо с землей мешается’ (LT V, пг. 5328, р. 382), *Dangus su žeme sulipęs* ‘Небо с землей слепилось’ (LT V, пг. 5329, р. 383).

Такое смешение небесного мира и подземного находит отражение в прямых указаниях литовского фольклорного материала на то, что и поднебесье (как и подземелье) является местом пребывания хтонических сил, ср. литовские поговорки: *Kur dangus, tenai pašaly pekla* ‘Где небо, там рядом и ад’ (LKŽ II, 262); *Kad tave velnias nu-neštų į padanges* ‘Чтобы тебя черт унес в поднебесье’ (Lebedys 1956, 356–357, Balys 1937, 167, цит. по: Beresnevičius 1990, 118). Ссылаясь на Н. Велюса (Vėlius 1987, 69–72), Г. Береснявичюс пишет, что «поднебесье» (т.е. нижние слои атмосферы, но не небо), видимо, является определенной сферой влияния черта, связанной с загробным миром: «в ... литовском мировоззрении скорее всего встречается отдельный случай локализации загробного мира – в “поднебесье”. Оно связано с чертом, который на этот раз проявляется своим “атмосферным” аспектом, который, основываясь на концепции “хтоничности” Н. Велюса, не следует противопоставлять “земному”. По словам Н. Велюса, “хтонический” мир объемлет не только “земное”, но и “запредель-

ное” пространство» (Beresnevičius 1990, 118–119). О такой же концепции литовского потустороннего мира говорит и А.Ю. Греймас, подчеркивая, что этот мир представлялся прежде всего как водное пространство: «утопический мир в литовском мифологическом мировоззрении водный по своей природе. Земля со всех сторон окружена водой, которая и высоко – откуда же тогда взялся бы дождь? – низко – куда же солнце по вечерам за горы и моря опускалось бы? Море – это водный, утопический, святой мир» (Greimas 1990, 134). Это согласуется и с более древними представлениями: «в библейской космогонии в акте творения первичная вода раздвигается, образуется верх и низ, и океан мировой помещается над сводом небесной тверди, через окна-отверстия в которой небесные воды орошают землю дождем. В вавилонской мифологии небесный океан создает под землей водную бездну преисподней» (МНМ II, 207).

Таким образом мы приходим к тому, что вода вокруг: и под землей, и на земле, и на небе, возвращаясь по кругу к первой строчке стихотворения Гяды об озерах на небе. Здесь можно вспомнить упоминавшееся выше представление древних гренландцев о душах умерших, раскинувших шатры вокруг небесного озера, которого они достигают по радуге. Круг замыкается и самим актом сотворения мира, описываемом в стихотворении Гяды: вода (озеро) происходит из воздуха (облака на небе, (водяного) пара), воздух (пар) происходит из преисподней (бездны), которая в свою очередь одного происхождения с огнем. Остается без ответа последний вопрос «зачем огни в бездне?». Ответ на этот вопрос содержится в индоевропейской древности: согласно Упанишадам, вода произошла из огня (Топоров 1971, 52), из искры, согласно преданиям, появилось и литовское море: «заслуживает внимания параллель с литовским “морем”, появившимся именно из “искры”: в “Ригведе” волнующийся океан тоже появляется из “жара”. Кстати, здесь можно рассуждать, не по подобным ли причинам литовское понятие “создания” связано со значением “разжигания”» (Beresnevičius 2004, 225). Г. Береснявичюс имеет в виду лексему *kūrti*: в литовском языке она имеет два значения: ‘создавать, формировать’ и ‘разжигать огонь’, причем К. Буга подчеркивает, что это одно и то же слово (Būga II, 128–129). Примечательно, что оба семантических поля (разжигания огня и творения) совмещаются в образе кузнеца, одно из славянских названий которого (*корч, корчий*)

родственно тому же лит. *kūrti* (Фасмер II, 340–341). Эта параллель подтверждается типологически: рус. *зижду*, *созидать*, *создать*, *здание* (др.-русск. *зѣдати*, *зижу*, польск. *zdun* ‘гончар’), родственно лит. *žaidas* ‘печь’, *židinys* ‘очаг’ (Фасмер II, 89, Būga II, 208).

Таким образом, мы приходим к началу акта творения – огню, который создает воду, дающую начало земле и всему живому. Мифологической параллелью этому акту творения может служить образ Бога-громовержца, с помощью огненной силы (молнии) разверзающего небеса (тучи) и освобождающего водную стихию, которая в виде дождя (или озера) падает на землю.

Литература

- МНМ II – Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. Т. II: К–Я. Москва, 1997.
- Тайлор 1989 – Э.Б. Тайлор. Первобытная культура. Москва, 1989.
- Топоров 1971 – В.Н. Топоров. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового древа» // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. V. Тарту, 1971.
- Фасмер – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. Санкт-Петербург, 1996.
- Balys 1937 – Iš Mažosios Lietuvos tautosakos / Spaudai paruošė J. Balys // Tautosakos darbai. T. 3. Kaunas, 1937.
- Balys III – J. Balys. Raštai. T. III. Vilnius, 2002.
- Balys IV – J. Balys. Raštai. T. IV. Vilnius, 2003.
- Beresnevičius 1990 – G. Beresnevičius. Dausos: pomirtinio gyvenimo samprata senojioje lietuvių pasaulėžiūroje. Klaipėda, 1990.
- Beresnevičius 2004 – G. Beresnevičius. Lietuvių religija ir mitologija. Vilnius, 2004.
- Būga I – K. Būga. Rinkiniai raštai. T. I. Vilnius, 1958.
- Būga II – K. Būga. Rinkiniai raštai. T. II. Vilnius, 1959.
- EDS – J. Elisonas. Dievas – senelis // Mūsų tautosaka. VIII. Kaunas, 1935.
- EMD – Ežeras ant milžino delno. Lietuvių liaudies padavimai / atrinko, parengė N. Vėlius. Vilnius, 1995.
- Fraenkel 1962 – E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg-Göttingen, 1962.
- Geda 1991 – S. Geda. Močiutės dainos: Eilėraščiai. Vilnius, 1991.
- Gimbutienė 1996 – M. Gimbutienė. Senoji Europa. Vilnius, 1996.

- Greimas 1990 – A.J. Greimas. Tautos atminties beiėškant. Apie dievus ir žmones. Vilnius-Chicago, 1990.
- Laurinkienė 2004 – N. Laurinkienė. Vaivorykštė lietuvių žodinėje tradicijoje // Tautosakos darbai. XX (XXVII). Vilnius, 2004.
- Lebedys 1956 – Smulkioji lietuvių tautosaka XVII–XVIII a. / Priežodžiai, patarlės, mįslės. Vilnius, 1956.
- LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1956–2002, t. I–XX.
- LMD – Lietuvių mokslo draugijos rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas).
- LTV – Lietuvių tautosaka, t. V: Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai / Medžiaga paruošė K. Grigas. Vilnius, 1968.
- LTR – Lietuvių tautosakos rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas).
- Mažiulis I – V. Mažiulis. Prūsų kalbos etimologinis žodynas. T. 1: A–H. Vilnius, 1988.
- Vėlius 1987 – N. Vėlius. Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis: Folklorinio velnio analizė. Vilnius, 1987.
- Zinkevičius 1988 – Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos istorija. T. 3. Senųjų raštų kalba. Vilnius, 1988.